

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» «ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ»

21 февраля 2002 г. по инициативе сектора этноэкологии в Институте этнологии и антропологии (ИЭА) РАН состоялось обсуждение ряда насущных вопросов организации и проведения полевых этнологических и антропологических исследований. В работе прошедшего в весьма заинтересованной и достаточно неформальной обстановке «круглого стола» приняли активное участие также представители кафедры этнологии исторического ф-та МГУ, Института стран Азии и Африки, научных и университетских центров регионов России.

Открывая заседание, А.Н. Я м с к о в (зав. сектором этноэкологии ИЭА РАН) подчеркнул, что «круглый стол» проводится благодаря инициативе двух сотрудников сектора этноэкологии – В.И. Козлова и Н.А. Дубовой. К 20-летию юбилею этого сектора, отмечающемуся 15 октября 2001 г., по предложению В.И. Козлова был подготовлен сборник «Очерки экспедиционного быта в Закавказье» (М., 2001. 319 с.).

В процессе работы над книгой данная проблематика многократно обсуждалась авторами. В.И. Козлов сформулировал основную задачу указанного сборника: описание условий жизни и работы сотрудников комплексных этнографо-антропологических экспедиций сектора этноэкологии и особенностей организаций последних, что по сути открыло оригинальный жанр этнографических публикаций. Он отметил, что все этнографические и антропологические издания Института этнологии и антропологии, в которых говорится о полевой работе, можно условно разделить на две группы: те, которые анализируют полученные в экспедициях данные с научной точки зрения, и те, где описывается экспедиционное поэтическое и лигатурное творчество ученых. Но за пределами внимания остались очень важные стороны экспедиционной жизни – вопросы организации полевой выезда, проблемы методики работы с информаторами, выбора места и объекта исследования и др., связанные с «экспедиционным бытом». К сожалению, эти сюжеты практически не освещаются ни в курсе «Методика полевой работы» на профильных кафедрах вузов, ни в научных статьях. В то же время каждый, кто имел счастье выезжать в поле, знает, в чем отличие «опытного полевого» от «начинающего». Н.А. Дубова справедливо подметила актуальность дискуссий по вопросам организации полевых исследований и необходимость вынести их обсуждение за пределы коллектива сектора. В процессе подготовки «круглого стола» это предложение получило полную поддержку дирекции и многих сотрудников ИЭА РАН.

В.И. К о з л о в (ИЭА РАН) подчеркнул, что смысл «круглого стола» заключается не столько в воспоминаниях о прошлых экспедициях, сколько в обсуждении того, как работать в поле в дальнейшем и каким образом описывать прошедшие экспедиционные выезды. Он напомнил о непростых условиях работы сотрудников сектора этноэкологии в Закавказье второй половины 1980-х годов, когда там нарастали межэтнические противоречия и конфликты, об истории сектора и особенностях двух его исследовательских программ «Комплексное биолого-антропологическое и социально-этнографическое изучение народов и этнических групп с повышенным процентом долгожителей» (у абхазов и азербайджанцев) и «Этническая экология переселенческих групп: русские старожилы Закавказья» (молокане и духоборцы). Написанные по материалам этих многолетних экспедиций «Очерки...» стали первым опытом публикации открыто субъективных, подчеркнуто личных воспоминаний сотрудников о том, в частности, как они воспринимали закавказские реалии конца 1970–1980-х годов и как в те времена к ним относились местные жители. В заключение В.И. Козлов предложил развивать и далее жанр очерков о полевой работе, готовить сборники как по экспедиционным исследованиям в основных регионах страны (Сибирь, Евразийский Север и т.д.), так и по тематически ориентированным полевым исследованиям, например, семейного быта.

В выступлении Н.А. Дубовой (ИЭА РАН) говорилось о важнейшем значении, которое имеют полевые исследования в работе этнографа и антрополога. Она подчеркнула необходимость выезда в поле не только в тот регион, который непосредственно входит в сферу интересов исследователя, но и в другие. Это позволяет по-новому взглянуть на те явления, к которым на известной территории глаз «привыкает».

Отсутствие полевой практики при подготовке студентов-этнологов и элементарных навыков работы в экспедиции у молодых людей, поступающих в аспирантуру ИЭА РАН (нередко имеющих «исполые» специальности), ведет к тому, что, не зная особенностей культуры и быта изучаемого народа, они не могут адекватно оценить те явления, с которыми сталкиваются. Следует стремиться к тому, чтобы без должной подготовки молодые специалисты не отправлялись в индивидуальные выезды, а в экспедиционные отряды Института включались студенты профильных кафедр, аспиранты, стажеры. Работая рядом с опытными исследователями, молодые сотрудники могут научиться тому, о чем невозможно рассказать.

Отсутствие такого живого контакта и неполнота публикаций по методике полевых исследований приводят к разрыву цепи прямых связей и, соответственно, потере многих ценных знаний и навыков. Замыкание молодого исследователя в «своем» регионе, ведущее вроде бы к углубленному познанию

изучаемого явления или предмета, имеет следствием сложности с видением этого же объекта в полноте его внешних связей. Поэтому представляется, что если научный коллектив ИЭА РАН задумывается о том, кто и как будет изучать этнографию и антропологию в XXI в., следует способствовать тому, чтобы молодое поколение исследователей проходило полевую практику в обязательном порядке и на возможно более широкой территории. Особого разговора гребует проблема проведения многолетних комплексных экспедиций, в которых участвуют специалисты разных направлений, и гуманитарных, и естественных, и медицинских. Такие экспедиции, проводившиеся ранее Институтом, особенно с применением новейших методик, аудио- и видеоаппаратуры, позволяют изучить объекты во всей их полноте, зафиксировать и понять многие закономерности, которые методами одной науки не могут быть познаны.

Н.А. Дубова подчеркнула также, что вопросы методики полевой работы, ее совершенствования, выведения на современный уровень уже десятилетия назад волновали специалистов. Тем не менее, многие проблемы (например, степень доверия информатору, верификация полученных сведений, возможность использования различного рода данных официального статистического учета, проведение тотального обследования населенных пунктов, сравнимость данных разных исследователей, методы достижения взаимопонимания с информаторами и т.п.) остаются весьма актуальными. Видимо, настало время активно обсудить эти вопросы, организовав в ИЭА РАН постоянно действующий полевой семинар, а в рамках Конгрессов этнографов и антропологов России – специальную секцию, посвященную методике полевых исследований. Для передачи накопленных знаний важна и предложенная В.И. Козловым подготовка серии книг о буднях разных экспедиций.

Сообщение А.Н. Я м с к о в а (ИЭА РАН) содержало предложение расширить тематические рамки публикуемых этнологами и антропологами текстов и разрабатывать далее такой жанр, как очерки об организации и методике проведения экспедиций, в которых бы акцентировалось внимание к условиям жизни и работы исследователей в поле. В частности, особое значение имеет описание взаимоотношений «исследователь – местные власти» и «исследователь – местное население». Именно такие публикации позволяют понять, в каких условиях и каким образом в науке появляются «этнографические факты», и одновременно они смогут значительно содействовать популяризации этнологии.

Докладчик также остановился на необходимости интенсивнее разрабатывать такие темы, как историография экспедиционных исследований в ИЭА РАН, этнография последних советских десятилетий, к чему уже не раз призывал В.А. Тишков, организация и методика проведения междисциплинарных исследований. Последнее актуально, в частности, благодаря активному развитию в последние годы историко-географического краеведения и культурной географии, включая разработку концепции «культурного ландшафта», – во всех этих случаях необходимо отрабатывать взаимодействие географов и этнологов.

Н.И. Г р и г у л е в и ч (ИЭА РАН) подчеркнула, что ценность изданных «Очерков...» заключается еще и в том, что они дополняют те сведения о представителях молокан, духоборцев и субботников, живших в Закавказье, которые были опубликованы в научных изданиях сектора этноэкологии. После развала Советского Союза эти общины перестали существовать, и уникальные островки старого русского быта разрушились практически полностью. Этноэкологические экспедиции, работавшие в Закавказье в 1980-х годах, успели зафиксировать часть этих культур, быта, традиций в живом состоянии. Кроме того, во время экспедиций научные сотрудники сектора этноэкологии имели возможность близко познакомиться с традиционной культурой народов Кавказа, что позволило им в «Очерках...» открыто пропагандировать то хорошее, что есть во всех культурах Кавказа, в частности, ярко представленное в этом регионе уважение к старшим. Н.И. Григулевич также поддержала высказанную В.И. Козловым мысль о важности и актуальности подготовки серии такого рода книг по разным регионам.

В.А. Т и ш к о в (директор ИЭА РАН) в своем докладе начал с терминологических вопросов и высказал предположение, что оптимальное и наиболее перспективное название дисциплины – «социально-культурная антропология». «Этнография» же как ее цеховая основа – это сбор и систематизация сведений, их представление в музеях и в текстах, и именно этнография будет, вероятно, быстро развиваться у нас силами специалистов самого разного профиля и любителей по мере социально-экономического развития страны и роста интереса населения к краеведению, истории и культуре народов России. Полевые исследования – это основа этнографии, и «поле» как источник этнографической информации стоит понимать достаточно широко. Иными словами, не только исследователь может выехать «в поле», но и информаторы могут интервьюироваться, например, в стенах ИЭА. Что же касается взаимоотношений в системе «исследователь – информатор», то теперь часто можно уже вполне обоснованно называть последнего «партнером по исследованию». Например, в монографии по Чечне¹ автор предложил читателю сразу несколько уровней информации о конфликтной ситуации: а) сведения, собранные автором у информаторов; б) интерпретация указанных сведений самим автором; в) оценка экспертами-чеченцами как сведений информаторов, так и их интерпретаций автором.

В.А. Тишков выразил сомнение в особой продуктивности минувших крупномасштабных комплексных экспедиций, указав, что классическим вариантом полевых исследований в мировой науке начиная с Б. Малиновского остаются все же индивидуальные долговременные экспедиции, и потому обязательное

условие подготовки диссертации западным аспирантом – минимум десять месяцев полевых работ. К тому же серьезной проблемой для мировой и отечественной социально-культурной антропологии в недавнем прошлом были ее «растворение» в комплексных социальных исследованиях и тенденция к слиянию с социологией, чему у нас как раз отчасти и способствовали комплексные экспедиции. Особая проблема, требующая внимательного анализа – организация полевых исследований в условиях конфликтов и социально-политической напряженности и адекватное истолкование получаемой в таких условиях информации. Докладчик привел в пример современную ситуацию в Дагестане, назвав подобный феномен «обществом страха», в котором люди при интервьюировании в первую очередь стараются никого не задеть и не обидеть, прежде всего не по этическим, а по культурным причинам.

Говоря о методах полевых исследований, в частности сбора сведений для характеристики социально-экономического и демографического положения населения, В.А. Тишков подчеркнул важность и информативность наблюдений, в том числе и достаточно кратковременных: главное – правильно выбрать объект наблюдения. Такими объектами, часто неожиданными, могут быть современная застройка и рекламные щиты, местные газеты и многое другое. Другой аспект полевых исследований – это поведение антрополога в поле и предлагаемая им интерпретация собранных сведений. Как показывает опыт, индивидуальные особенности исследователя зачастую налагают огромный отпечаток на публикуемые им сведения, так что в ряде случаев повторные полевые работы существенно меняют устоявшиеся представления ученых об одной и той же группе населения.

Возвращаясь к «Очеркам...» сектора этноэкологии, В.А. Тишков поддержал усилия по развитию подобного жанра этнографических публикаций и напомнил о книге К. Гирца о впечатлениях и опыте экспедиционных исследований.

Ю.В. Иванов (ИЭА РАН) обратила внимание собравшихся на печальную судьбу институтской фотолaborатории и части коллекций фотоматериалов, а также экспедиционного имущества и оборудования, ранее хранившихся в ИЭА.

Е.В. Миськова (кафедра этнологии истфака МГУ) указала на существенные различия между традициями организации и проведения полевых исследований в отечественной и западной науке, и между группами населения, в которых чаще всего эти работы проводятся. В частности, докладчица считает особенностью отечественной науки то, что одну и ту же группу населения у нас, как правило, на протяжении многих десятилетий изучают самые разные исследователи, а в составе изучаемых групп чаще всего находятся социально активные личности, которые деятельно помогают исследователю-этнологу. Е.В. Миськова предложила, ввиду актуальности и важности данной темы, провести отдельный «круглый стол» или семинар по сопоставлению отечественных и западных подходов к полевым исследованиям.

Председатель Полевой комиссии ИЭА РАН Н.Д. Пчелинцева рассказала о состоянии экспедиционных исследований в последние годы, отметив в качестве одной из серьезнейших организационных проблем неритмичное и несвоевременное перечисление денег на полевые выезды, которые зачастую поступают в Институт в самом конце года. Однако теперь появилась возможность финансирования и зарубежных полевых выездов. Она также критически отзывалась об уровне части аудиовизуальной информации, привозимой из экспедиций в последнее время. Поддержав критические замечания Н.А. Дубовой о неадекватной подготовке многих аспирантов к полевым исследованиям, Н.Д. Пчелинцева предложила активнее привлекать их в совместные поездки с научными руководителями и более опытными сотрудниками.

З.П. Соколова (ИЭА РАН) остановилась на характеристике и перспективах издания институтской серии «Полевые исследования», а также подчеркнула роль в недавнем прошлом «докладных записок» как способа представления результатов экспедиционных выездов. Докладчица согласилась с уже высказанными мнениями о недостаточном количестве полевых выездов в последние годы и о плохой методической подготовке молодых сотрудников и аспирантов к работе в поле. В связи с последним замечанием она подчеркнула важность предварительного обоснования программы полевых исследований, последующего доклада на заседании сектора о результатах выезда и публикации отдельных программ. Поделившись рядом воспоминаний об экспедициях, З.П. Соколова призвала фиксировать в полевых дневниках и тетрадях все детали полевых выездов и поддержала идею развития особого жанра этнографических публикаций – описания путешествий и путевых впечатлений исследователя.

О.И. Брусина (ИЭА РАН) посвятила свой доклад поведению исследователя в поле, обратив внимание на вопросы обеспечения безопасности, налаживания отношений с местным населением и властями, сделав акцент на гендерных и этических сторонах этих проблем. Опираясь на опыт экспедиций в Среднюю Азию, она предложила начинающим исследователям несколько практических советов: как себя вести и как себя представлять в поле. Как считает О.И. Брусина, следует стремиться найти ту грань (и удержаться на ней), которая, например, в одежде, отделяет явное неуважение и игнорирование местных норм от попыток «казаться своим», полностью уподобляясь местным жителям старшего возраста (ибо последнее обычно воспринимается скорее как пародирование, а не как демонстрация уважения). В отношениях же с местными властями не стоит завывать свой реальный статус, так как это может невольно

привести к назойливой опеке со стороны представителей власти и их контролю за контактами исследователя с местными жителями. В целом исследователя чаще всего воспринимают как «путешественника» или «странника», что как бы «включает» соответствующие традиции гостеприимства, и этот образ, следовательно, имеет смысл поддерживать во время работы и жизни «в поле».

Как бы в продолжение поднятых вопросов С.Н. Абашиян (ИЭА РАН) говорил о той роли, которую этнограф играет в ходе полевых исследований, особенно если последние посвящены политически острой тематике, изучению конфликтных ситуаций либо новому для нашей науки предмету типа субкультур молодежных неонацистских группировок или «новых русских». Докладчик акцентировал внимание присутствующих на необходимости учитывать и достаточно полно характеризовать личность информатора как для более точного «нацеливания» интервью, так и для интерпретации полученной от него информации. А.Н. Абашиян также поставил проблему сочетания научного долга и моральной ответственности ученого, ведущего полевые исследования. В частности, он прямо поставил вопрос о том, позволительно ли обманывать информаторов, скрывая от них цели исследования и сам факт того, что их интервьюирует и за ними наблюдает исследователь.

Выступление А.А. Ярлыкянова (ИЭА РАН) было построено на впечатлениях о работе в ваххабитских общинах Северного Кавказа, которая имеет весьма сложный и своеобразный, а часто и опасный характер. Основная проблема связана с изолированностью и отчужденностью ваххабитов от основной части населения, с их открытым недоверием к тем, кто приходит к ним извне без готовности войти в их общины и разделить их понимание ислама. Соответственно автору приходилось собирать информацию в условиях, когда к нему относились как к идеологическому оппоненту, и к тому же исключалось использование диктофона или запись беседы. Тем не менее, характер собранной даже в этой обстановке информации зачастую таков, что часть ее по этическим соображениям автор не считает возможности публиковать, по крайней мере в обозримом будущем.

И.С. Кызласова (ИЭА РАН) предложила регулярно проводить под эгидой Полевой комиссии ИЭА РАН семинар и кратко сформулировала актуальные задачи, которые имеет смысл обсуждать в его рамках: а) отношения исследователя с властями; б) методика полевых исследований (программы, вопросники) и использование технических средств (диктофоны, видеокамеры); в) критика источника информации и вопросы интерпретации полевых материалов; г) проблема информатора (как выбирать, какое место в полевых исследованиях ему отводить) и получаемой от него информации: что это – конкретные сведения (что есть в современной культуре или было в недавнем прошлом) или нормативные установки (что должно быть, либо должно было быть).

Н.И. Новикова (ИЭА РАН) поддержала мысль о необходимости проведения в ИЭА РАН полевых семинаров, посвященных в первую очередь вопросам методики сбора и интерпретации информации. Она также обратила внимание присутствующих на важность вопросов этики полевых исследований, в ходе которых не должно быть самой возможности причинения вреда или обмана людей, среди которых проводится исследование. В частности, Н.И. Новикова предложила дать изучаемому населению своего рода «право вето» на разглашение информации, собранной исследователем в этой группе и, по мнению ее членов, каким-либо образом эту группу дискредитирующих. С точки зрения докладчицы, вполне естественно, что исследователь не должен публиковать часть собранной им информации как по указанным выше соображениям, так и в случае, если она касается священных или интимных для данной группы тем, и потому должна оставаться тайной для посторонних. Отдельного рассмотрения заслуживают вопросы влияния исследователя на изучаемое население и этические проблемы взаимоотношений между исследователями, работающими в одном регионе с одной и той же группой населения.

С.В. Соколовский (ИЭА РАН) отметил, что изданные сектором этноэкологии «Очерки экспедиционного быта в Закавказье» – практически первая начиная с 1920-х – 1930-х годов книга, где можно видеть «возвращение человека» в отечественную науку. Ныне это становится весьма важным, поскольку ранее в отечественных публикациях действовала «стратегия объективизации», т.е. важна была только объективность и ценность публикуемой информации. В то же время автор, собравший эту информацию, в публикациях отсутствовал, а ведь личность исследователя сама по себе представляет большой интерес для последующих поколений. Поэтому использованный в обсуждаемой публикации жанр восполняет многие пробелы, которые имели место в недалеком прошлом. Выступающий подчеркнул, что это начинание, конечно же, должно быть продолжено и что следует также обмениваться опытом полевых исследований со специалистами других направлений науки, например, археологами, географами, фольклористами – у них есть не только много общих проблем, но и свои оригинальные методы.

В заключение выступил С.П. Поляков (кафедра этнологии истфака МГУ), который представлял Методическую комиссию истфака. Он говорил о слабости полевой подготовки студентов на кафедре в наши дни, тогда как еще 15–20 лет назад любой окончивший кафедру имел за своими плечами практику в археологической экспедиции и не менее двух полевых выездов в составе этнографических отрядов в разные регионы СССР. Но уже много лет из-за отсутствия денег кафедра не в состоянии обеспечить обучающихся на ней прохождения практики даже в одной экспедиции. Сотрудникам кафедры и ИЭА РАН необходимо

предпринять серьезные усилия для изменения этого положения. Кроме того, в настоящее время отсутствуют большие комплексные экспедиции, что тоже является серьезным пробелом в работе, который должен быть восполнен. С.П. Поляков напомнил о значении усилий С.П. Толстова по организации Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, о размахе Русской антропологической экспедиции и других подобных масштабных мероприятиях. Весьма важно, что отмечалось уже не раз, восстановление постоянных рабочих связей между кафедрой этнологии МГУ и ИЭА РАН. В современных же экспедициях, по мнению С.П. Полякова, необходимо использовать как новейшие, так и классические методы полевой работы.

Многие из выступавших на «круглом столе» вступали в прямую или завуалированную полемику друг с другом. В частности, наиболее часто и активно дискуссии разворачивались по следующим сюжетам: 1. Должны ли полевые исследования быть непременно глубокими и, следовательно, долговременными, или же кратковременные и эпизодические наблюдения тоже могут служить достаточной основой для важных обобщающих заключений? (В частности, обсуждались основания, необходимые для адекватных выводов о социально-экономическом положении и демографических характеристиках изучаемых групп населения.) 2. Каким должно быть эмоциональное отношение исследователя к изучаемому населению, и всегда ли это отношение предполагает чувства симпатии и уважения к культуре исследуемой группы? 3. Существуют ли, и если да, то насколько серьезно выражены и в чем именно заключаются различия в западной и отечественной научных традициях полевой работы и каковы отличия между теми этнокультурными сообществами, которые наиболее активно изучаются нашими и зарубежными коллегами?

Все выступившие на «круглом столе» поддержали идею организации постоянно действующего Полевого семинара в ИЭА РАН и предложение о проведении ежегодной внутринститутской полевой сессии, на которой с краткими отчетами о поездках могли бы выступить все выезжавшие в поле в предыдущем году. Как говорили многие участники, необходимо регулярно проводить обсуждение вопросов методики полевых исследований, привлекая к таковому специалистов пограничных дисциплин, в частности географов и фольклористов. Кроме того, было решено расширить номенклатуру изданий материалов полевых исследований за счет возвращения к обсуждению и публикации анкет и вопросников, а также развитию других жанров, включая и тот, который предложил своими «Очерками экспедиционного быта в Закавказье» сектор этноэкологии. Была также подчеркнута важность отражения деятельности Полевой комиссии и Полевого семинара на страницах журнала «Этнографическое обозрение» и на Интернет-странице ИЭА РАН.

Примечание

¹ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001.

Н.А. Дубова, А.Н. Ямсков

© 2002 г., ЭО, № 5

ЗАРОЖДЕНИЕ НОВОЙ ТРАДИЦИИ: ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

В ноябре 2001 г. в Челябинске состоялись первые Лазаревские чтения, посвященные памяти недавно скончавшегося А.И. Лазарева (1928–2001) – одного из ведущих фольклористов нашей страны, культуролога, доктора филологических наук, профессора, заслуженного работника культуры Российской Федерации, активного общественного деятеля, более четверти века руководившего областной организацией Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Форум проходил под эгидой Главного управления образования и науки администрации Челябинской обл., местных Государственного университета, Государственного педагогического университета, Государственной академии культуры и искусств, Центра дополнительного образования детей, Дворца пионеров и школьников им. Н.К. Крупской. Конференция имела научно-практическую направленность, расширяющую и дополняющую проблематику Бирюковских чтений, с 1973 г. регулярно проводившихся на Южном Урале в честь земляка-этнозната, краеведа, собирателя и исследователя устного народного творчества В.П. Бирюкова (1888–1971)¹. Есть основания надеяться на их дальнейшее плодотворное параллельное функционирование.